

УДК 343

***ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ЦЕЛИ
УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ: ПРОБЛЕМА СРЕДСТВ ДОСТИЖЕНИЯ***

Упоров И.В.

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

Краснодар, Россия

Аннотация. Рассматриваются некоторые аспекты проблемы, связанной с реализацией цели уголовного наказания в виде восстановления социальной справедливости (ст. 43 УК РФ). Анализируются различные точки зрения, сопоставляются доктринальные позиции, изложенные в трудах разных эпох (советского и постсоветского периодов). Обосновывается подход, согласно которому социальная справедливость при совершении общественно опасных деяний должна сопрягаться с соответствующей карательной составляющей наказания, назначаемого преступнику.

Ключевые слова: справедливость, преступление и наказание, кара, физические и моральные страдания, уголовный кодекс.

RESTORATION OF SOCIAL JUSTICE AS A GOAL OF CRIMINAL PUNISHMENT: THE PROBLEM OF MEANS OF ACHIEVEMENT

Uporov I.V.

Doctor of History, Ph.D., Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Krasnodar, Russia

Annotation. Some aspects of the problem associated with the implementation of the goal of criminal punishment in the form of restoring social justice (Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation) are considered. Various points of view are

analyzed, doctrinal positions set forth in the works of different eras (Soviet and post-Soviet periods) are compared. An approach is substantiated according to which social justice in the commission of socially dangerous acts should be combined with the corresponding punitive component of the punishment imposed on the criminal.

Key words: justice, crime and punishment, punishment, physical and moral suffering, criminal code.

Вопрос о средствах достижения цели уголовного наказания в виде восстановления социальной справедливости (ч. 2 ст. 43 УК РФ [1]) в правовой литературе имеет неоднозначное толкование, что вполне объяснимо, учитывая, что такая цель отечественным законодателем в сфере уголовного права была поставлена впервые. Несмотря на прошедшее время после принятия Уголовного кодекса Российской Федерации (1996 г.), по-прежнему не сложилось доминирующего мнения, что свидетельствует о сложности данного вопроса, и на этот счет дискуссии по-прежнему активны, издается немало трудов по этой теме, включая последние годы (в числе авторов И.Д. Бадамшин, Т.Н. Волкова, С.М. Воробьев, И.Р. Диваева, В.И. Зубкова, В.Х. Каримов, Н.Ф. Кузнецова, Л.В. Сердюк, Э.В. Лядов, В.Б. Поезжалов, В.В. Похмелкин, Ч.М. Токтоназарова и др.).

Так, согласно одной из точек зрения, одним из средств достижения цели восстановления социальной справедливости является возмещение нанесенного материального имущества и морального вреда [2, с. 18; 3, с. 59]. Однако, на наш взгляд, данная мера (возмещение ущерба) вряд ли может быть отнесена к уголовно-правовым отношениям – ее следует реализовывать в рамках гражданско-правовых отношений, где также имеет место принцип справедливости. Соответственно в данном случае имеет место подмена предметов ведения различных отраслей права. Что касается таких мер, как штраф (а до 2003 г. и конфискация имущества, которая была отменена в указанном году), то он обращается только в пользу государства, но не в пользу потерпевшей стороны, если таковой выступают частные лица (как физические, так и юридические). К тому

же, к примеру, «при убийстве говорить о восстановлении социальной справедливости вообще сложно, поскольку никакие деньги не восполнят утрату родного человека» [4, с. 217].

Как нам представляется, рассматриваемая цель наказания в виде восстановления социальной справедливости может быть достигнута прежде всего причинением виновному в совершении преступления определенных физических и моральных страданий, что, в свою очередь, определяется нормами уголовного и уголовно-исполнительного права, определявших вид наказания и условия его отбывания, которые, в свою очередь, вбирают в себя определенные ограничения для преступника. В контексте такой трактовки мы не можем полностью согласиться с позицией, согласно которой «восстановление социальной справедливости, заложенное в уголовном наказании и связанное с его карательным воздействием, не означает, что наказание преследует цель кары по отношению к преступнику» [5, с. 389].

Наши аргументы здесь следующие. Цель кары действительно не преследуется. Однако в данном случае кару следует расценивать не в качестве цели, а в качестве *средства* достижения цели социальной справедливости. И здесь ключевой момент заключается в соразмерности физических и моральных страданий, которые неизбежны при назначении и реализации любого вида уголовного наказания, поскольку каждое из них есть следствие общественно опасных деяний, совершенных преступниками; соответственно общество и государство не может не реагировать на такие деяния, и оно реагирует посредством уголовных наказаний, обладающих определенными карательными свойствами.

При этом в современной литературе авторы в подавляющем большинстве избегают использовать термины «кара», «физические и моральные страдания» в отношении преступника, полагая, очевидно, что эпоха гуманности предполагает не акцентировать внимание на «возмездии» преступнику. Мы полагаем такой подход ошибочным – о каре писали многие дореволюционные и советские пенитенциаристы, и сейчас, в начале XXI в., суть явления не изменилась, и по-прежнему «справедливость по праву признается вечной и высшей ценно-

стью» [6, с. 22]. Указанный выше подход приводит, на наш взгляд, к ошибочным выводам, когда, например, считается невозможным достичь цели социальной справедливости при убийстве, и таковая цель характеризуется как «утопическая» [7, с. 17]; мы полагаем, что такая цель в данном случае может быть достигнута, но речь, разумеется, идет не о древнем принципе талиона, а о повышенной карательной составляющей уголовного наказания для убийц.

Так, известный советский правовед М.С. Строгович писал о том, что «наказание есть наказание, - за тяжкие, особо опасные преступления и наказания должны быть тяжелые, но наказание всегда должно быть разумным, справедливым, соразмерным с виной преступника. Ошибочно видеть в усилении наказаний главное средство преодоления преступности. Следует применять также эффективные меры исправления, перевоспитания лиц, совершивших преступления, с тем, чтобы они могли вернуться в нормальные условия трудового общежития в качестве полноправных членов общества» [8, с. 10]. Нельзя не согласиться и с тем, что «наказание теряет свою силу, когда на деле оно оказывается легче, чем его представляют себе преступники» [9, с. 533].

Соразмерность (а значит и справедливость) карательной составляющей наказания предполагает учет также личности виновного, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, влияние наказания на исправление преступника, на жизненные условия его семьи (ч. 1 ст. 6, ч. 3 ст. 60, ч. 2 ст. 73 УК РФ и др.). Кроме того, соразмерность распространяется и на конструкцию уголовно-правовых санкций. Поэтому в составах преступлений, где общественная опасность личности допускает вариативность при назначении наказания (альтернативно и с широкой «вилкой» его размеров «от» и «до») соответственно должны формулироваться и санкции.

Однако и здесь есть ряд нерешенных проблем. Так, при определении санкций (речь идет прежде всего о сроках лишения свободы как наиболее строго наказания в контексте современной наказательной политики российского государства) за конкретные составы преступлений у законодателя отсутствуют научно разработанные критерии, на основании которых в Уголовном кодексе

РФ закрепляются верхние и нижние пределы данного вида наказания. В следственно-судебной практике это осуществляется по опыту социально-исторического развития в целом и правоприменения, и часто судьи принимают решения по «наитию», исходя преимущественно из динамики преступности в стране и соответствующей реакции общественного мнения.

Приведем следующий пример. В действующем УК РФ санкции, в частности, за умышленное убийство без отягчающих обстоятельств, по сравнению с прежним советским уголовным законом, были ужесточены (от 3 до 10 лет лишения свободы по ранее действовавшему уголовному закону, и от 6 до 15 лет лишения свободы по новому УК РФ). Однако вопрос о том, почему низшие и высшие пределы санкций за убийство без отягчающих обстоятельств именно такие (6 и 15 лет), а не другие (например, 9,10,11 и 16,17,18 лет или, наоборот, 7,6,5 и 14,13,12 лет) остается открытым.

Аналогично обстоит дело и в уголовно-исполнительном праве. Так, ранее в исправительных учреждениях строгого режима осужденный мог иметь 2 краткосрочных и 1 длительное свидание. Исходя из чего взялись эти цифры? Обоснованного ответа также нет. Подобных примеров можно приводить множество, что дает основание констатировать наличие проблемы критериев, на основании которых определяется степень кары в отношении конкретных преступников, причем как при установлении наказания (уголовно-правовой аспект), так и при исполнении (уголовно-исполнительный аспект). Решение данной проблемы во многом связано со сложившимися в российском обществе принципами социальной справедливости в этой сфере. Сразу заметим, что эти принципы (их сущность) самостоятельно, как таковые, с прямыми оценками деяния и воздаяния, в нормативных актах не регулируются.

Между тем в правовых источниках древности такие принципы встречались (например, убийца должен был быть казнен, то есть возобладал известный и отмеченный выше принцип талиона). Однако со временем общественные нравы менялись, и в настоящее время в качестве одного из эквивалента кары за многие составы преступлений сложилось лишение свободы как классический

вид уголовного наказания, который применяется в России уже несколько столетий. Однако предусмотренные уголовным законодательством санкции по ряду преступных деяний входят в противоречие с основополагающими конституционными положениями, отражающими приоритеты общественных ценностей.

Так, из ст. 2, а также второй главы Конституции России [10] однозначно следует, что высшей ценностью является человек, его права и свободы. Соответственно за то же убийство (без отягчающих обстоятельств) предусмотрена, как отмечалось выше, суровая мера - лишение свободы до 15 лет (ч. 1 ст.105 УК РФ). Но и за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг предельный срок наказания (квалифицированный состав) составляет также 15 лет (ч. 3 ст. 186 УК РФ). Вряд ли можно ставить знак равенства между этими объектами преступных посягательств, здесь, на наш взгляд, наблюдается несогласование с принципом социальной справедливости.

Очевидно, необходимо определить хотя бы основные критерии соотношения преступных деяний и кары за их совершение. За основу следует, вероятно, брать экспертные оценки, поскольку потребуются учет многих специальных факторов, достаточно хорошо известных лишь профессионалам. Разумеется, не обойтись и без опросов различных групп населения. В порядке рабочей гипотезы мы полагаем, что лишение свободы как эквивалент кары за различные преступления в обозримом будущем сохранит свою силу. Поэтому степень кары целесообразно регулировать гибкой системой исправительных учреждений с различными условиями содержания. В этом же контексте следует согласиться с необходимостью более четкого определения компенсации потерпевшим от преступлений со стороны государства, независимо от возмещения ущерба самим преступником, поскольку государство не смогло обеспечить безопасность гражданина, и на этот счет имеется зарубежный опыт [11].

Достаточно активные споры вызывает степень учета личностных качеств виновного при определении как вида и размера уголовного наказания, так и порядка и условий его исполнения. В частности, в литературе встречается мнение о том, что необходимо создавать виды наказаний и санкций с учетом типов

личности преступников [12, с. 252]. Речь идет, в частности, о включении в уголовно-правовую материю таких признанных в криминологии типов личности, как случайный, неустойчивый, ситуативный, злостный и особо злостный. Однако, как нам представляется, данное средство достижения цели уголовного наказания в виде восстановления социальной справедливости не может быть реализовано в силу чрезвычайной трудности определения конкретного осужденного к тому или иному типу личности. В частности, неясно, кто будет это делать – ни следователь, ни прокурор, ни суд, как нам представляется, не могут в силу отсутствия специальных знаний, а именно прежде всего в сфере психологии, психиатрии. Кроме того, особенности указанных типов личности вполне могут быть учтены и в действующем уголовном праве – в рамках относительно определенных санкций, а также путем применения норм о смягчающих и отягчающих обстоятельствах, где находят отражение некоторые личностные характеристики виновного (например, совершение впервые преступления небольшой тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств – ст. 61 УК РФ).

Подводя итог, отметим, что средства достижения цели восстановления социальной справедливости в целом в правовых науках разработаны в недостаточной степени, и соответственно в практике степень достижения этой цели нельзя назвать удовлетворительной, о чем свидетельствует, прежде всего, высокий уровень преступности. Соответственно необходимо совершенствовать как правовые аспекты средств достижения этой цели, так и организационные аспекты деятельности государственных органов, на которые возлагается обязанность осуществлять борьбу с преступностью, требуется также проведение исследований с целью определения основных критериев соотношения преступных деяний и кары за их совершение в понимание кары как средств достижения рассматриваемой цели уголовного наказания.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред.

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ДНЕВНИК НАУКИ»
от 24.09.2022) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2022 г.).

2. Курс уголовного права. Общая часть Т.1 / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Н.М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. 611 с.

3. Галактионов С.А. Принцип справедливости (уголовно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. 169 с.

4. Лядов Э.В. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 12. С. 215-218.

5. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. - М.: ИГП РАН, 1999. 511 с.

6. Исмаилова К.А. Восстановление социальной справедливости, как цель уголовного наказания // The Scientific Heritage. 2021. № 81. С. 20-22.

7. Прозументов Л.М. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания // Уголовная юстиция. 2021. № 17. С. 13-18.

8. Строгович М.С. Методологические вопросы юридической науки // Вопросы философии. 1965. № 12. С. 10.

9. Ферри Э. Уголовная социология / Под ред. С.В. Познышева, перев. О.В. Познышевой. - М.: Типогр. Саблина, 1908. 591 с.

10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2022г.).

11. Волкова Т.Н. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания // Человек: преступление и наказание. 2007. № 1 (56). С. 79-84.

12. Козлов А.П. Механизмы построения уголовно-правовых санкций. - Красноярск: КГУ, 1998. 406 с.

Оригинальность 80%

